

Привет из прошлого

Николай КУТЕНКИХ

У ИЗВЕСТНОГО российского поэта и писателя Виктора Слипечука в этом году вышла в свет новая книга под названием «Свет времени». Один ее экземпляр автор отправил в подарок редакции «В». Ведь мы давно дружим.

Виктор Трифонович наш земляк. Он родился в военном 1941 году в приморском селе Черниговка, сейчас местная библиотека носит его имя. В 14 лет опубликовал первое стихотворение в районной газете «Черниговский колхозник». Одно время жил во Владивостоке и Находке, ходил в моря. Служил в армии, получил два высших образования, исколесил всю нашу необъятную родину, работал геологоразведчиком, зоотехником, рыбоводом, строителем и

журналистом. А еще построил дом, вырастил сына. Михаил Слипечук сегодня президент благотворительного фонда поддержки военно-морского флота «Крейсер «Варяг», руководитель Фонда развития боевых искусств России, председатель попечительского совета Фонда содействия сохранению озера Байкал.

С 1982 года Виктор Слипечук входит в состав Союза писателей, является академиком Академии русской словесности. Из-под пера мастера вышли поэтические и исторические книги «Путешествие в Пустое место», «Чингис-Хан», «Тринадцатый подвиг Геракла», «Зигзаг», романы «Огонь молчания» и «Зинзивер», пьеса «Губернатор» и многие другие. И, конечно, много рассказов и очерков о Приморье и его людях.

Сегодня мы представляем рассказ, написанный Слипечуком специально для читателей газеты «Владивосток».

Фото Андрея УГЛАНОВА, главного редактора «Аргументы недели»

Виктор и Галина Слипечук – фото для внуков. Поездка на Гвардейский ракетный крейсер «Варяг». Выступление перед личным составом. 12 сентября 2010 года

Виктор СЛИПЕЧУК

Родина моих родителей – село Ненадыха, по-украински – Ненадыха, примерно в ста километрах к западу от города Белая Церковь (Киевская область). Где-то в 1986 году зимой я сказал своей Галочке (жене), что неплохо было бы мне съездить на малую родину моих родителей.

В то время мы жили в Великом Новгороде, куда меня направили после окончания Высших литературных курсов для усиления областной писательской организации.

Отправился я в Ненадыху в марте. Рейсовый автобус в село не заходил, проезжал мимо, и от остановки до Ненадыхи нужно было идти пешком. Время было позднее, и я тревожился, что придется по темноте добираться одному. Но выбирать не приходилось – других автобусов не было.

Автобус часто останавливался, высаживал и забирал пассажиров. Я прислушивался к объявлениям остановок – необычные названия. Одно из них особенно резануло – «Могила». Двери открылись, в салон зашли люди в каких-то белых плащах. Водитель обычным голосом, как и на других остановках, спросил:

– Вы из Могила?

– Да, – услышал будничным ответ. – Мы из Могила.

(Думаю, этот факт запомнился потому, что месяц спустя случился Чернобыль.)

Вышел на своей остановке где-то в одиннадцатом часу. Светила почти полная луна. Спросил у сошедших пассажиров, по какой дороге идти, чтобы попасть в Ненадыху. Несколько юношей и две девушки оказались моими попутчиками. Они учились в ремесленном училище в Киеве и ехали отдыхать на выходные.

Мы шли вместе километров пять-шесть. По дороге завязался разговор, они интересовались, кто я, откуда, к кому еду. Отвечал с удовольствием, радуясь попутчикам: хочу посмотреть малую родину родителей.

Моя мама рассказывала, что в селе осталась родственница двоюродной сестры – по фамилии Рара. (Слышите, дважды поименованный древнеегипетский бог солнца Ра – мой родственник, правда, дальний – вот к кому еду! Стало весело.)

– А вы знаете Константина Слипечука? – спросили меня. – На заборе нашей школы висит его огромный портрет. Он Герой Советского Союза. Кем вам доводится?

– Я слышал о нем от мамы, будто и он с нами в родстве, но в Ненадыхе много Слипечуков, так что точно сказать не могу.

– А как вашу маму звали?

– Сейчас она Наталья Антоновна Слипечук, а в детстве, когда жила в Ненадыхе, ее называли Наталка Куш.

– А мы вашу маму в школе проходили! – радостно взволновались мои юные попутчики.

Я удивился, попросил рассказать подробнее, что именно проходили в школе.

– Дело в том, что в годы Гражданской войны в селе часто менялась власть: то петлюровцы приходили, то белые, то красные, то еще кто-нибудь. Наша учительница, как и ваша мама, многое своими глазами видела. Всякие неприятности случались. Бывало, придет новая власть и насильничает. А перед этим все говорят, уверяют, что только они и есть настоящие защитники народа. Тогда ваша мама придумала, как обуздать их, чтобы они не вытворяли свои преступления. Только «гости» пожалуют, Наталка Куш (ваша мама) набирает в подол желудей и бежит на гору, за ставки. Все девчонки и малолетки за ней увязываются, потому что заранее сговаривались совместно действовать. Там, за ставками, у всего села на виду, они сажали желуди. Загодя их заготавливали. На виду любая власть боялась народного протеста. Так ваша мама спасала девушек и малолеток. С тех пор за ставками выросла огромная дубовая роща, мы называем ее в честь вашей мамы – Наталкин лес.

Я побывал в этой огромной дубраве. Наломал веточек. Солнце, птички поют. Невольно подумалось, что Герой Советского Союза – это очень значительно, но гораздо значительнее здесь для сельчан был подвиг моей мамы, который и подвигом-то нельзя назвать. Стечением

обстоятельств она, возможно, спасла от поругания мам и бабушек моих юных попутчиков. Она для них – больше, чем Герой Советского Союза.

Мы подошли к школе. В выходные дни в ней крутили фильмы. Шел многочасовой фильм Озерова «Освобождение». Ребята вызвались помочь найти Рару. Теперь, благодаря маме, я для них был местная знаменитость.

Вышел мужчина. Сказал расстроено, что хозяйка уехала к сестре в соседнее село.

На другое утро прошелся по селу. Мне понравилось в Ненадыхе. Вот уж действительно невозможно надыхаться. Какой-то удивительно чистый живительный воздух – небо синее-синее и солнце, улыбающееся, как на детских рисунках, в короне лучей.

Мне подсказали место, где примерно стоял родительский дом. Рядом, на пологом бугре, возвышался сарай под соломенной крышей, в нем хранились уголь и всякая всячина. В некотором отдалении от сарая – длинный дом в виде барака, и тоже под соломенной крышей. Сарай показался мне более похожим на дом, чем жилой барак. На огромной куче мусора посреди двора, словно пик на вершинах, стоял ржавый древний утюг со сквозными ячейками для раскаленных углей. Он словно ждал меня, и я, не раздумывая, взял его на память. Из какого дома был утюг? Может быть, из нашего, который не сохранился?! На месте дома осталась только заброшенная пахота и широкая, едва зеленеющая межа, отделявшая от чьей-то усадьбы. На этой меже решил построить дом, так сказать, дачу писателя.

Обратно возвращался на одном из сельских автобусов. Один из пассажиров спросил:

– Ты чей?

– Слипечук.

– Я тоже Слипечук, а чей вообще?

– Мою маму Наталью Антоновну пом-

Для родословной книги

Документальный рассказ

Виктор СЛИПЕЧУК
нот в Ненадыхе по девичьей фамилии – Куш. Приехал посмотреть. Хочу здесь дачу построить. Я – писатель.

– А ты писатель-самозванец или у тебя есть документы? Очевидно, его смутил ржавый допотопный утюг, с которым я ехал.

Подав удостоверение члена Союза писателей СССР. Недоверчивый однофамилец раскрыл:

– О, вот это уже что-то!

Разговорились. Спросил его о пахоте возле межи:

– Чья?

– По сути – ничья.

– На ней стоял дом, в котором жили мои родители, до того как уехали.

– Раз ты член Союза писателей, мы тебе все устроим. – Однофамилец оказался председателем поселкового совета.

Разговор состоялся 22 марта, а 26 апреля, когда уже находился в Великом Новгороде, произошла катастрофа на Чернобыльской АЭС.

Рары писали нам, что каждые три часа по местному радио напоминают, чтобы жители чаще мыли полы, держали окна и двери закрытыми, и о прочих предосторожностях. После Чернобыля многие из местных покинули родные места. И винить их за это нельзя.

Мои отец и мама одноклассники, родились в 1906 году в Ненадыхе. Отец Трифон Аксентьевич Слипечук – 17 апреля, а мама – 29 июня. Отец очень рано остался без родителей, с сестрой и братом на руках. Он был старшим, а сестра Татьяна и брат Тимофей – младшими. Пан, то ли Коцюбинский, то ли Слипанский, взял отца к себе казачком, то есть прислуживать по барскому дому. Сестра и брат, совсем малолетки, были при нем.

Тимофея интересовала музыка. И хотя его никто не учил, он самостоятельно, на слух, научился играть на скрипке. Впоследствии играл на свадьбах – скрипкой зарабатывал на хлеб. Таню обучали работам по панскому дому, в основном женщины из прислуги.

Когда пришла советская власть и следом началась Гражданская война, они вернулись в свой заброшенный дом. Как вспоминала тетя Таня, спали на сене и сеном укрывались. «Не приведи господи – голь перекатная!» Как-то отец не угодили пану, и пан отправил его в пастухи пасти скот. Никому никакого дела не было до подростка, он покрывался коростой и до того завшивелил, что вши буквально капали с него.

Однажды Трифона в таком неприглядном виде увидела моя будущая бабушка Елизавета Янишевская, чистокровная полячка. Взяв его за руку, привела на свой двор. Отмыла в нескольких бочках с водой, обстирала и пошла к Коцюбинскому. Сказала пану, что он не человек, а притеснитель сирот и вдов. И она найдет способ обвинить его в Варшаве. Ее, как польскую патриотку, паны поба-

ивались. Муж ее умер, а старшие сыновья погибли на войне в Первую мировую. Осталась с тремя дочерьми – Наташей (которая потом станет моей мамой), Оксаной, Еленой – и сыном Яковом.

Бабушка была против дружбы моей мамы с отцом. Потому что без мужа и погибших сыновей они сами едва сводили концы с концами.

Между тем отец стал активистом советской власти, вступил в комсомол. Бабушка не одобряла революционности новой власти и, не прячась, высказывалась об этом.

Как-то отец шел по улице и вдруг слышит: «Трифон, Трифон!» Оглянулся – никого. Зов доносился из амбара. Подошел – на дверях замок, а рядом лом. В спешке «арестовыватели» забыли убрать. Отец сорвал замок, а там женщины и среди них Елизавета Григорьевна. С тех пор бабушка свиданиям отца с моей мамой не перечила, стала относиться к их взаимной любви ласковой.

Отец очень уважал бабушку. Уже живя в Черниговке, на Дальнем Востоке, и будучи председателем колхоза, при встрече с бабушкой (она жила у сына, дяди Яши, – бригадира полеводческой бригады) обязательно целовал ей руку. Этому факту я сам бывал свидетелем.

Однажды, во времена продразверстки, в Ненадыху приехал секретарь райкома с вооруженными сопровождающими. Вызвал отца, активиста советской власти, и говорит:

– Надо у сельчан излишки зерна изъять.

– Какие излишки?! На прошлой неделе и позапрошлой уже изымали!

– Ты давай тут антисоветчину не разводи! Вспомни, как сам голодал?! А сейчас рабочий класс голодает. Ты местный, всех знаешь, давай помогай, а не то самого поставим к стенке!

Делать нечего, отец спрашивает, по наивности конечно:

– Этот подбор – последний?

– Последний-последний! Давай приступай с хлопцами!

Отцу поверили, что в последний раз отбирают хлеб. Он свой, местный, вместе дальше жить, не должен обманывать. Вечером взвесили мешки с зерном – оказывается, изъяли хлеба больше нормы на целых два пуда.

Секретарь взревел:

– Завтра изъять столько же!

Отец знал, что в городе Белая Церковь эскадрон стоит, в котором он четыре месяца служил красноармейцем. От Ненадыхи до Белой Церкви по тракту километров сто, но отец знал дорогу намного короче – по оврагам и буеракам. Командир выслушал и говорит:

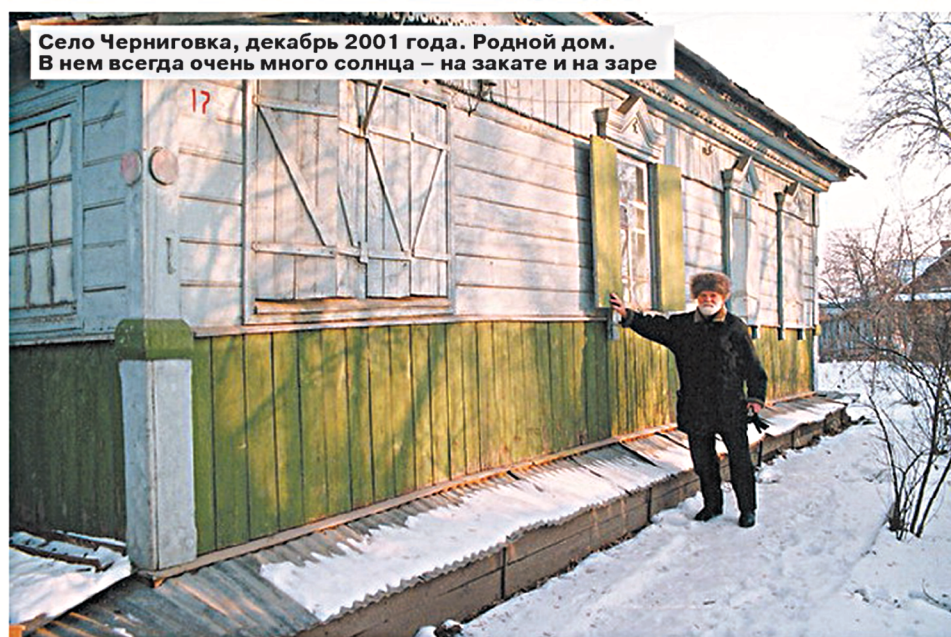
– Тебя, Трифон, все равно убьют. Либо жители – за то, что обманул, либо секретарь райкома ликвидирует – для устойчивости повестки дня. Я сейчас отправляю красноармейцев на Дальний Восток – переселенцами. Скажи за жену и детьми – и на поезд.

Тогда уже родились мои старшие сестры: Галя и Оля.

Рая, мои старшие братья Владимир, Эдик и я, поскребыш, родились в Приморье, в Черниговке.

Отец взял у кого-то еще одну лошадь, забрал ночью маму, дочерей – и в эскадрон. Прискакал, успел – до отправления поезда оставалось пятнадцать минут. Погрузились в вагон – такие теплушки были с буржуйками – и, как повествуется в некоторых советских романах, «сорванные с места железным ветром» отправились на Дальний Восток обживать новую землю.

Приехали в город Ворошилов, ныне Уссурийск (базовый пункт). Оттуда – в Черниговку. Там много переселенцев осело. Мама рассказывала, что их поселили в колхозном клубе. Вначале спали на полу. Потом пришли местные плотники, чтобы соорудить нары. Спрашивали: «Кому нары, кому нары?..» Отсюда всех переселенцев стали называть коммунарами. Только местные

Село Черниговка, декабрь 2001 года. Родной дом. В нем всегда очень много солнца – на закате и на заре

Галина и Виктор Слипенчук с сыном Мишей. Март 2007 г.

вкладывали в это слово свой – уничтожительный смысл, а переселенцы свой – коммунистический.

Трудились в поле с темна до темна. Ничто не обременяло – ни у кого ничего не было. Сеяли пшеницу, рожь, ячмень, овес. Сажали сахарную свеклу, кукурузу, у местных научились выращивать сою и рис. Мама работала дояркой на МТФ – молочно-товарной ферме. Всех коров с норовом перевели в ее группу, а через неделю буренки уже сами тянулись к ней, потому что чулком понимали ее доброту.

Питались коммунары в одной столовой, но за разными столами: одни столы для тех, кто хорошо работал, столы передовиков, другие – для лодырей. Порции у всех были равноценными. В питании никто никого не обделял, но таким образом воспитывали в людях нового советского человека.

Мой отец имел по ликбезу четыре класса начальной школы и в среде коммунаров считался высокообразованным и политически грамотным. Стал председателем колхоза. Люди к нему тянулись, у него было обостренное чувство высшей справедливости, которая никого не жалеет и при случае, для своей устойчивости, может и его поведение включить в свою жесткую повестку дня. Коммунары знали, что в этом своем чувстве он не будет юлить и пойдет до конца.

Хорошо помню, как мы, пацанва, лежали под лавками в колхозном клубе и слушали выступление отца. Он говорил медленно, веско. Приводил понятные примеры из нашей сельской жизни. С первых же слов в зале наступала тишина. В тот день секретарь райкома партии привез нового председателя. Потому что отец – тракторист всего лишь с четырьмя классами ликбеза. А нужен был человек образованный, чтобы, как говорили колхозники, «хватал шапку и бежал исполнять поручения» (имелись в виду самые нелепые). Люди зароптали: не хотим другого председателя! Несколько дней уговаривали, потом отстали – колхоз в районе был в передовиках.

По колхозным делам отец ездил в бричке на белом жеребце. Таким способом лишний раз его выгуливал. А жеребец был незаурядный – красивый, мощный! Даже когда отец ушел из председателей и жеребец уже был никому не нужен (новый председатель ездил на «Победе»), колхозники из уважения к отцу не стали сдавать жеребца на мясокотбинат. Оставили в конюшне, потребовав на этот счет специального постановления (высшей инстанцией было правление колхоза).

Встречи в селе Черниговка Приморского края 21–24 сентября 2016 г.

Когда я учился в Уссурийске на втором курсе ПСХИ – Приморского сельскохозяйственного института, часто приезжал домой. От Уссурийска до Черниговки всего 75 километров.

Как-то вышел на родной станции Мучной – от нее до дома пешком ходил. Невожможно останавливается «Москвич»:

– Тебе куда?

– Мне до пошивочной, напротив бывшего колхозного клуба.

Сел сзади. Водитель, запоминающийся мужик, наводит на меня зеркальце:

– А ты чей будешь?

– Слипенчук.

– Я очень недоволен твоим отцом, – хмыкнул он.

– Почему?

– Потому что меня должны были послать учиться на тракториста, а приехал твой отец-переселенец, и ему все в первую очередь. Он занял мое место.

Надо иметь в виду, что трактористы в то время были в почете, как в наше время космонавты. О них пели песни:

По дороге неровной, по тракту ли,

Все равно нам с тобой по пути!

Прокати нас, Петруша, на тракторе,

До околицы нас прокати!

Вся эта песня как бы о молодости моего отца. После войны видел его «Фордзон» со стальными зубьями на больших задних колесах.

Или еще случай. Приехал после третьего курса домой на каникулы. Со мной – сокурсник с агрофака Геннадий Новомейский. С рождения инвалид. Правая нога выходящая до колена, при ходьбе он выбрасывал ее так далеко вбок, что пересекал идущего рядом. Я подружился с ним, потому что он писал стихи.

На автобусной остановке нам встретился мой школьный друг Виктор Кондратов. Он заканчивал находкинскую мореходку и перед практикой навещал бабушку и деда, у которых жил, учась в школе (родители Виктора жили в Спасске-Дальнем). Мы обрадовались, у каждого новостей полон воз. Решили зайти в ре-

сторон в самом центре Черниговки. Все взрослые – мне семнадцать, а они уже совершеннолетние.

Выпили бутылку красного вина (классика) на троих – решили показать Новомейскому Черниговку. В центре она – не село, а самый настоящий город. Коммунары, и мой отец в том числе, как председатель колхоза «РВС», озеленили Черниговку так, что все послевоенные годы она занимала первое место в Приморском крае по озеленению.

Идем, гордимся, а на тротуаре передвижной лоток с мороженым стоял, один конец которого (для равновесия) опирался на чурбачок. Геннадий Новомейский не рассчитал амплитуду вихляния своей правой ноги и так «удачно» подсек чурбачок, что мороженое высыпалось на тротуар. Мы стали его собирать, а рядом два милиционера стояли, разговаривали между собой. Кинулись к Виктору и давай у него стаскивать ремешок с брюк. Потом и за меня взялись. Свидетельствую – эти «милиционеры» своими

хромовыми сапогами умышленно растоптали несколько порций мороженого. А то бы и повода не было нас забирать.

Геннадий Новомейский пришел к нам домой и сказал, что я уехал с Виктором в Спасск к его родителям. Переночевал и растворился. Может быть, подумал, что нас отпустят. Но нас не отпустили. На следующий день увезли на воронке в Уссурийск, в Николаевскую тюрьму. Поместили в камеру подследственных. Больше сорока человек в ней парились. Насмотрелся там всякого. Больше месяца шло следствие. Карандашиком на стене написал четверостишие:

Небо в клетку, сижу за решеткой,

Мне даны лишь осколки дня –

Облака проплывают, как лодки,

И, как жизнь, в стороне от меня.

Стихотворение подследственным понравилось, и мне дали кликуху Поэт.

В Черниговке нам с Виктором устроили показательный суд. Я узнал прокурора – он подвозил меня на «Москвиче». Виктору припаяли год условно (206-я статья – «хулиганство»). Мне, как несовершеннолетнему, – два. Могли и больше, к 206-й статье присовокупили 154-ю – «сопротивление властям». Чушь, конечно.

Из зала суда шел с отцом. Ничего не говорил ему о прокуроре. Перед самым домом он сказал: «Сынок, через тебя это мне отомстили».

У отца была пословица: «Все, что ни делается, – к лучшему». Я не понимал ее. А после судилища, другого слова не найдя, вынужден был уехать в Омск, и там пословица отца стала и моей.

В Омском сельхозинституте я познакомился со своей женой Галиной (в девичестве Южаниной). Она великий человек! Прекрасно понимаю, что говорю. Мы с ней прожили 51 год 10 месяцев и 20 дней. У меня от природы образное мышление (этому не научишься, да и хорошо ли это, не знаю), а Галя родилась с потрясающим чувством понимания русского языка. Мы дополняли друг друга. Она была репрессированной – дочь кулака. Я – сын красного председателя. Помирились. Счастливое – в моих книгах. Все, что ни делается, – к лучшему.

23.07.2018, Крым, Черноморское